

Ю. И. ЖУРАВЛЕВ

ТИБЕТСКИЕ НАРОДНОСТИ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ТИБЕТЦЕВ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Тибетцы Китайской Народной Республики относятся к наиболее крупным по численности национальностям страны. Они заселяют обширные территории северо-западного, западного и юго-западного Китая¹.

Первые известия о предках собственно тибетцев относятся еще ко II тысячелетию до н. э. С VII в. н. э. крепнут связи между китайским и тибетским народами. Дружественные взаимоотношения с Китаем способствовали развитию в Тибете сельского хозяйства, ремесла. Тибетский народ за свою многовековую историю создал высокую культуру, замечательные памятники литературы, архитектуры и искусства.

Кроме собственно тибетцев, к тибетским народностям Китая относятся живущие в различных районах провинций Юньнань и Сычуань цян, ну, дулун, а в пограничной области Китая (Тибет) и Индии, известной у тибетцев под названием Лоюл,— лоба². Сифань и цзяжун являются этнографическими группами тибетцев. Языки этих народностей относятся к одной лингвистической группе. Однако в материальной и духовной культуре каждой из них наблюдаются свои специфические особенности.

Изучение социально-экономических отношений, существовавших у тибетских народностей в прошлом, имеет важное значение для исследования процесса распада родовой и возникновения сельской общины, а также раннефеодальных отношений, происходившего у национальных меньшинств горного юго-запада Китая. Изучение же их материальной и духовной культуры может дать многое для понимания этногенеза и связей тибетских народностей Китая с их соседями в процессе исторического развития. К сожалению, вопросы этногенеза и этнической истории тибетских народностей еще совершенно не изучены, и потому в настоящее время еще не представляется возможным их в должной мере осветить. Дулун, лоба и в какой-то мере ну, принадлежа по языку к тибетским народностям, по этнографическим признакам тяготеют к бирманским народностям или же к народностям группы ицзу.

¹ Кроме Китая, тибетцы живут также в северном Непале, в некоторых районах Республики Индии (Ладак, Балтистан), в зависимом от нее княжестве Бутан и в княжестве Сикким, входящем в ее состав.

² В советской литературе иногда употребляют название «ло-юй». Это китайская транскрипция тибетского Лоюл (страна Ло), и применение географического термина как этнического не совсем правильно. Население Лоюл известно тибетцам под собирательным названием лоба (уроженцы страны Ло). В настоящее время в Китае в Лоюл, кроме тибетцев, выделяют еще две группы — ло жэнь и мань-жэнь (см. сб. «Вэньбу цяньцзинь чжунды сицзан» (Тибет, неуклонно идущий вперед), Пекин, 1958, стр. 115). Эти названия, по-видимому, также не являются этнонимами. В дальнейшем, говоря о всем населении этого района Китая, мы будем пользоваться названием лоба как более точным. Для определения же этнических групп лоба будут сохранены более распространенные в науке названия — абор, дафла, мири, мишми, а также апа-тани, которых вполне можно рассматривать отдельно от дафла в силу специфики их культуры.

Исходя из доступных нам материалов, можно считать, что в культуре дулун, лоба и ну преобладают элементы, свойственные культуре бирманских народностей или народностей группы ицзу.

Лингвистическое, этнографическое и антропологическое изучение этих народностей носило в прошлом случайный характер, и имеющиеся в нашем распоряжении сведения отличаются крайней скудостью и подчас противоречивы. В последнее время китайские и советские ученые перестали выделять цзяжун и сифань как самостоятельные народности тибетской группы. Но еще в 1954 г. профессор Ло Чан-пэй на основании лингвистических данных отличал цзяжун от тибетцев³. Основание для их включения в состав собственно тибетцев некоторые ученые Китая (например, профессор Фу Мао-цзи) видят в длительном процессе общего исторического развития тибетцев и цзяжун. Цзяжун сохраняют самоназвание «кара», отличное от самоназвания собственно тибетцев — «бодпа», что может свидетельствовать об их некоторой этнической самостоятельности. Известные нам работы различных ученых дают больше оснований выделять их из общей массы собственно тибетцев хотя бы как локальные группы тибетцев с сильными специфическими особенностями в языке и культуре. Пока что уровень наших знаний о тибетских народностях Китая не дает возможности прийти к твердо обоснованным заключениям, но тем не менее уже сейчас можно наметить постановку ряда таких вопросов, разрешение которых станет возможно лишь после всестороннего лингвистического, антропологического и этнографического изучения всех групп тибетцев Китая.

В настоящее время китайские ученые приступили к выполнению этой трудной и важной задачи. Данная статья написана с учетом последних известных нам фактических данных, собранных китайскими исследователями. Так как общие сведения о собственно тибетцах довольно обширны как в нашей, так и особенно в зарубежной литературе, то в статье основное внимание уделено остальным народностям тибетской группы.

Языки тибетский, цян, сифань, цзяжун, ну, дулун и лоба составляют тибетскую группу тибето-бирманской ветви китайско-тибетской семьи языков. Языки тибетских народностей делются на ряд диалектов; между некоторыми из них ученые отмечают особую близость (между языками ну и дулун, некоторыми диалектами лоба и языками цзяжун⁴ и ну⁵). Окончательно вопрос о большей или меньшей близости между некоторыми языками тибетской группы сможет быть решен после сравнительного исследования этих языков.

Антропологического обследования тибетских народностей до сих пор почти не проводилось⁶, что исключает возможность привлечения сравнительных антропологических данных. Тибетцы по своему антропологическому типу в целом близки к северным китайцам. Среди них довольно четко прослеживаются два варианта⁷. Камские тибетцы (западные районы Сычуани) характеризуются более выступающим носом, долихоке-

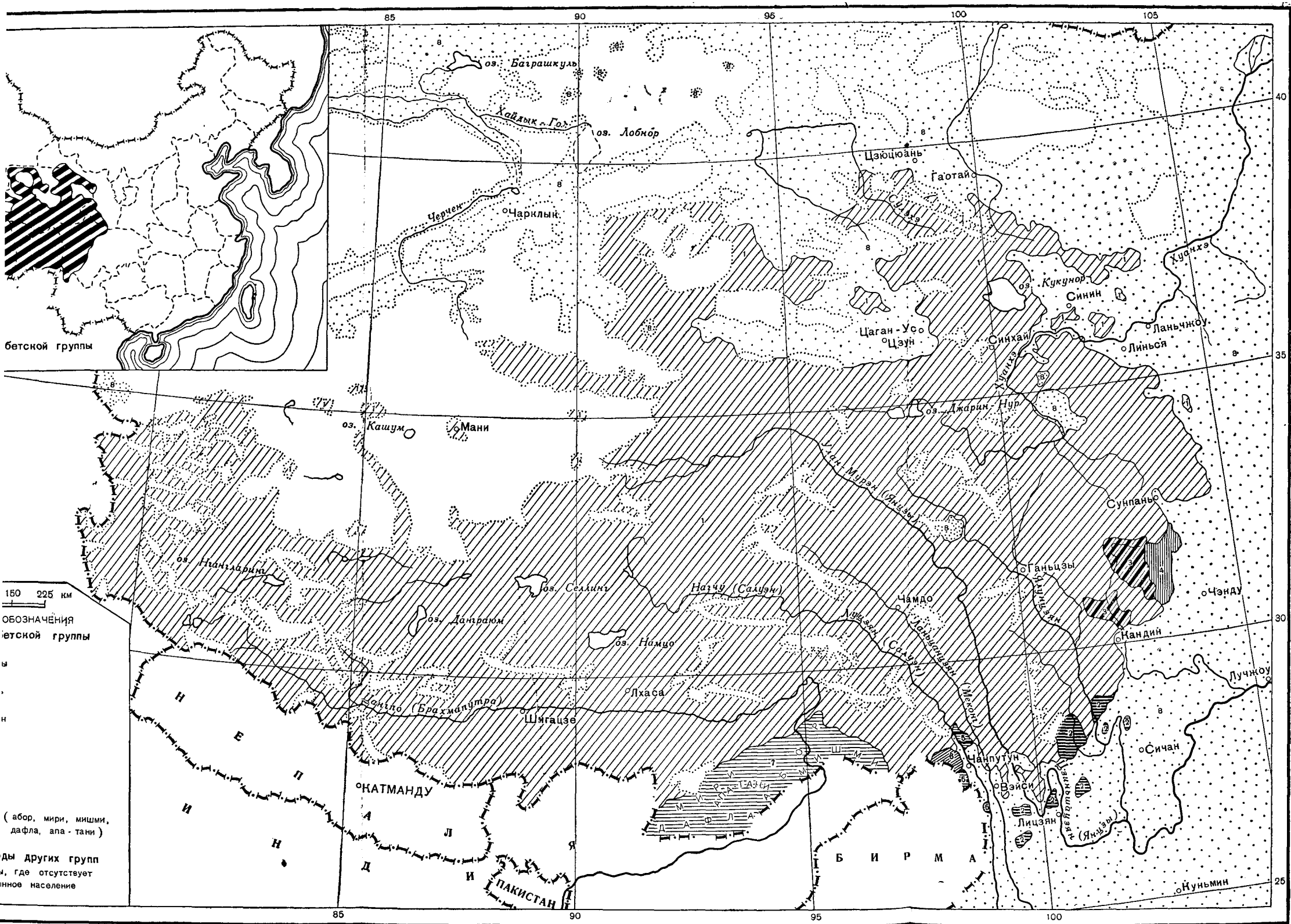
³ Сб. «Гонэй шаошу миньцзу юйянь вэньцзыды гайкуан» (Письменность и язык национальных меньшинств Китая), Шанхай, 1954, стр. 30.

⁴ T. W. Thomas, *Nam. An ancient Language of the Sino-Tibetan Borderland*, London, 1948, стр. 154.

⁵ Сб. «Гонэй шаошу миньцзу юйянь вэньцзыды гайкуан», стр. 30.

⁶ Одни из первых таблиц антропометрических измерений цян см. в «*Studia Serica*», т. V, 1946, стр. 1—6.

⁷ A. C. Haddon. *Les races humaines e leur répartition géographique* (пер. с англ.), Paris, 1925, стр. 95; W. Turner, *Contribution to the Craniology of the People of the Empire of India*. «*Transactions of the Royal Society*», XLIX, Edinburgh, 1913, стр. 705—734; G. M. Morant, *A first study of the Tibetan Skull*. «*Biometrika*», XIV, 1923, стр. 193—260; его же. *A study of certain oriental series of Crania*, «*Biometrika*», XVI, 1924, стр. 1—105; Н. Н. Чебоксаров, К вопросу о происхождении китайцев, «Сов. этнография», 1947, № 1, стр. 43—44; Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин, Основы антропологии, М., 1955, стр. 375.

бетской группы

150 225 км
ОБОЗНАЧЕНИЯ
етской группы

(абор, мири, мишми,
дафла, апа-тани)
ды других групп
и, где отсутствует
инное население

фалией. У тибетцев южных районов хорошо выражены особенности южноазиатской расы. Некоторые исследователи отмечали широкое распространение волнистых, а иногда курчавых волос даже у тибетцев Батана, где население прибегало к всевозможным средствам для выпрямления волос⁸. По некоторым данным, у сифань прослеживаются те же два варианта антропологического типа. У ну, дулун и лоба ясно выражены южномонголоидные черты.

Основную массу тибетских народностей составляют собственно тибетцы (около 2 800 тыс. чел.). Из остальных групп наиболее многочисленны лоба — 50 тыс. чел.⁹. Численность цян составляет примерно 36 тыс., ну — 12 800, дулун — 2 600. Численность цяжун, по некоторым данным, равна примерно 70 тыс. чел., сифань — 48 тыс., из которых в провинции Юньнань проживает 15 тысяч.

Тибетские народности живут компактными группами. Основная масса собственно тибетцев — 1 273 969 чел. — живет в Тибете и районе Чамдо¹⁰. В провинции Сычуань (в Ганьцзыском и Абаском тибетских автономных округах, а также в Мулиском тибетском автономном уезде) насчитывается 712 869 тибетцев. В провинции Цинхай общее число тибетцев составляет 516 180 чел. (в Хайбэйском, Хайнаньском, Хуаннаньском, Юйшуском и в Голо тибетских автономных округах, а также в Хайсиском монголо-тибетско-казахском автономном округе, в Вэйюаньском и Хуалунском автономных уездах национальности хуэй, в Хучжуском автономном уезде национальности ту (монгор), в Сюньхуаском автономном уезде национальности салар и в Хэнаньском монгольском автономном уезде). В провинции Ганьсу (в Ганьнаньском тибетском автономном округе, Тяньчжуском тибетском автономном уезде, Субэйском монгольском автономном уезде, Сунаньском автономном уезде национальности юйгу) проживают 204 632 тибетца. В провинции Юньнань (в Дидинском тибетском автономном округе, Далиском автономном округе национальности бай, Гуншаньском автономном уезде национальностей дулун и ну Нуцзянского автономного округа национальности лису и в Нинланском автономном уезде национальности ицзу) — 66 893 тибетца. Компактная группа тибетцев численностью 476 чел. проживает в Эвенкийском автономном хошуне Хулун-Буирского аймака автономной области Внутренняя Монголия. Кроме того, в незначительном числе тибетцы живут почти во всех провинциях и в больших городах Китая.

Цян в основном живут среди тибетцев в Абаском тибетском автономном округе провинции Сычуань (35 465 чел.) — в уездах Вэньчуань, Ли, Мао, Хэйшуй, Сунпань, а также в соседних районах. Недавно был создан автономный уезд Маовэнь национальности цян в составе Абаского тибетского автономного округа.

Цзяжун населяют долины горного хребта Лайбаланшань к северо-западу от г. Гуаньсянь в пределах Абаского тибетского автономного округа, где их причисляют к тибетцам. Там они живут в уездах Маэркан, Чосыцзя, Дацзинь, Сяоцзинь, Ли, а также в уездах Даньба и Даофу Ганьцзыского тибетского автономного округа и в уезде Баосинь.

Сифань живут в Ганьцзыском тибетском автономном округе (470 чел.), в Ляншаньском автономном округе национальности ицзу провинции Сычуань (2 200 чел.), в Дидинском тибетском автономном округе провинции Юньнань (316 чел.) и в Нинланском автономном уезде национальности ицзу провинции Юньнань (4 410 чел.). Остальные сифань населяют отдельные районы провинций Сычуань (уезды Мули,

⁸ P. H. Stevenson, *The Chinese-Tibetan Borderland and its Peoples*, «Bulletin of Peking Society of Natural History», т. II, ч. 2, 1927—1928.

⁹ С. И. Брук, *Расселение национальных меньшинств Китайской Народной Республики*, «Сов. этнография», 1958, № 1, стр. 77.

¹⁰ В дальнейшем численность дается на февраль 1957 г.

Цзюлун, Яньтай) и Юньнань (уезды Лицзян, Ланьпин, Юншэн и др.), где они живут вместе с тибетцами, наси, лису, ицзу.

Ну живут почти на границе с Бирмой по р. Нуцзян (Салуэн) в провинции Юньнань: 3152 чел. в Гуншаньском автономном уезде национальностей дулун и ну, 7645 — в Нуцзянском автономном округе национальности лису, 606 — в Дидинском тибетском автономном округе, остальные — в прилежащих районах провинции Юньнань. Небольшие группы ну имеются также в Чаюй и Чавалуне района Чамдо.

Основная масса дулун (2413 чел.) живет на границе с Бирмой в долине р. Нуцзян, на северо-западе Юньнани в Гуншаньском автономном уезде национальностей дулун и ну, и 179 дулун — в уезде Вэйси особого района Лицзян провинции Юньнань.

Лоба занимают обширную территорию на юго-восток от Лхасы, в районе излуины р. Цангпо и по берегам ее притока Субансири. Лоба живут также в пограничных с Китаем районах Индии. Политическая история этого района сложна, и до сих пор на различных картах границу между Китаем и Индией в этом районе отмечают по-разному или же считают неустановленной.

* * *

Основные занятия большинства тибетских народностей — земледелие и скотоводство, причем, вопреки обычным представлениям, преобладает первое. В Тибете чисто земледельческое население, составляющее примерно 44% всего населения, сосредоточено в бассейне р. Цангпо и ее притоков. Земледелие — главное занятие тибетцев Сычуани и Юньнани, значительной части тибетцев Цинхая, а также сифань, цян, цзяжун, ну, дулун, апа-тани, мири. Большая часть собственно тибетцев занимается скотоводством. Тибетские группы часто сочетают земледелие со скотоводством (тибетцы, сифань, цян, цзяжун, все группы лоба) или охотой и рыболовством (ну, дулун, абор, мири, дафла), так что иногда бывает довольно трудно определить главное из их занятий. В прошлом у некоторой части дулун преобладали охота, рыболовство и собирательство. Ну и дулун, наряду со сбором лекарственных растений (горечавка, вечник), собирали лак с лаковых деревьев, а ну, кроме того, — плоды тунгового дерева.

Способы обработки земли у тибетских народностей Китая различны. Тибетцы пашут землю деревянным плугом, затем разрыхляют комья бороной из рогов яка. Они применяют севооборот с паром и искусственное орошение. В прошлом почти повсеместное использование деревянных сельскохозяйственных орудий, плохое качество обработки почвы и прополки полей, а также недостаток удобрений были причинами низкой урожайности. Таким же было раньше земледелие и у цян. Зачастую у них не было тяглового скота, и тогда деревянный плуг тянули по пашне двое мужчин, а третий шел сзади, налегая на ручки плуга. Цзяжун же даже среди китайцев были известны как умелые земледельцы, особенно искусные в сооружении дамб и каналов для орошения полей. Приемы земледелия и сельскохозяйственные орудия у сифань несколько отличны от тибетских и схожи с китайскими. Ну также применяют сельскохозяйственные орудия китайского типа. У южных тибетских народностей (ну, апа-тани, частично дафла и мири) широко развито земледелие с искусственным орошением. Лоба устраивают террасовые поля. Но в прошлом у абор, дафла, мишми и мири, как и у дулун, было распространено преимущественно подсечно-огневое земледелие¹¹ (накануне Освобождения оно частично сохранялось и у цян) с применением крайне несложных орудий — палки-копалки и лопаты, сделанной из ло-

¹¹ Сб. «Вэньбу цянцзынь чжунды сицзан», стр. 117.

паточной кости буйвола (у мири). Дулун, выбрав участок леса, молодые деревья вырубали, а старые, толстые — окольцовывали. После того как деревья засыхали, их сжигали, а затем деревянными мотыгами обрабатывали поле. При жатве дулун использовали серп. У лоба же (за исключением апа-тани), как правило, серпов не было. Женщины дафла, обрывая руками метелки риса, кидали их в корзину, удерживаемую за спиной при помощи налобного ремня.

Собственно тибетцы, цян, сифань, цяжун выращивают в основном одни и те же культуры: цинко (голосемянный ячмень), пшеницу, гречиху, овес, горох, просо, кукурузу, различные овощи; сифань, кроме того, — суходольный рис; цяжун в прошлом культивировали опийный мак. Тибетские народности Юньнани выращивают и иные культуры: ну — ямс, таро и в широких размерах (в отличие от собственно тибетцев) — заливной рис; дулун — сою, кукурузу, суходольный и заливной рис, батат, хлопок; лоба — заливной и суходольный рис, хлопок, кунжут.

Таким образом, в то время как у собственно тибетцев, цян и цяжун к моменту Освобождения был достигнут сравнительно высокий уровень земледелия, у дулун и части лоба еще сохранялась примитивная подсечно-огневая система, а мотыга и палка-копалка были почти единственными земледельческими орудиями. Различия в выращиваемых культурах обусловлены в первую очередь природными условиями в районах расселения данных групп.

Часть тибетцев занимается кочевым скотоводством. Там, где это возможно, практикуют отгонное скотоводство (собственно тибетцы, сифань). Скотоводы разводят яков, крупный рогатый скот, овец, лошадей, коз; население земледельческих районов — свиней, а также птицу. В этих районах скот содержат в первом этаже дома или же в одном помещении с людьми, если дом одноэтажный. Ну, использующие тягловый скот на полевых работах, в прошлом выменивали его у своих соседей, а сами разведением животных не занимались. Дулун также разводили только свиней, а быков на мясо и для жертвоприношений выменивали у соседних народностей. Апа-тани в основном выменивали скот у дафла и мири.

Охота прежде играла очень большую роль у ну, мишми, дулун. Последние широко практиковали коллективную охоту загонном. Охотничьим оружием у собственно тибетцев, цян, сифань, цяжун служило ружье, у дулун и ну — самострел с небольшими тонкими стрелами, по типу схожий с самострелами наси и лису. Абор, мишми, а также дулун пользовались луком со стрелами; у мишми были известны копья. Наконецники стрел и копий они смазывали ядом аконита¹². Отравляющие свойства аконита издавна были известны собственно тибетцам, которые, однако, никогда не применяли отравленных стрел. В настоящее время охотой как подсобным промыслом занимаются все тибетские народности Китая.

Из ремесел у тибетских народностей наиболее широко распространено ткачество, у лоба — плетение из бамбука и тростника. Вертикальный ткацкий станок известен только тибетцам, а горизонтальный — всем тибетским народностям Китая. Профессиональные ремесленники существовали прежде только у собственно тибетцев, цян, цяжун, сифань. У ну, дулун и лоба ремесло еще в первой половине 1950-х годов не вполне отделилось от земледелия. Отдельные виды ремесла (выделка сукна у тибетцев, особенно в Гьянцзе и Шигацзе, обработка металлов в Дэгэ, оружейное ремесло у цяжун в Сомо) издавна были высоко развиты.

Таким образом, еще недавно тибетские народности находились на различных ступенях экономического развития, что определяло и уровень развития социально-экономических отношений у той или иной народности.

¹² F. K. Ward, Explorations in South-Eastern Tibet, «The Geographical Journal», т. LXVII, London, 1926, № 2, стр. 109.

До Освобождения у собственно тибетцев существовала феодальная собственность на землю, пастбища и скот. В Тибете она продолжала существовать без изменений до самого недавнего времени¹³, причем сохранявшаяся у скотоводов родоплеменная структура прикрывала феодальную эксплуатацию, как это было в прошлом у цян¹⁴ и цзяжун. У цзяжун прежде существовало несколько феодальных владений — Сомо, Дамба, Хошиа, Вассу. Их территории были разделены на районы, которыми управляли ставленники феодалов. Они были обязаны поставлять слуг во дворец феодала, людей для обработки его полей¹⁵, а в случае необходимости — и воинов.

Четкое классовое расслоение перед Освобождением наблюдалось и среди сифань. Наиболее плодородная земля в долинах рек находилась в частной собственности, земля же в горах еще была собственностью всей деревни. Землю можно было покупать и продавать, что вело к концентрации ее в руках помещиков из числа самих сифань, а также наси и китайцев. Так, один из помещиков-сифань в Ланьпине (провинция Юньнань) владел вначале 20 цзя земли (около 6,5 га); скупая землю у крестьян, он увеличил свое владение до 190 цзя. Безземельные крестьяне-общинники были вынуждены арендовать землю у помещиков, попадали в долговую зависимость от них, становились их «семейными слугами» (бацзы). Положение бацзы было сходно с положением крепостных; их можно было покупать и продавать. У сифань существовали целые поселения бацзы. Так, тусы¹⁶ Нинлана владел двумястами дворов бацзы. Каждая семья бацзы обрабатывала выделенный ей участок земли и ежегодно уплачивала ренту не только частью урожая, но и лекарственными травами, изделиями ремесла и пр.; она была обязана также в течение определенного времени отработать на полях помещика и в его домашнем хозяйстве.

Накануне Освобождения у сифань еще сохранялась сельская община, однако процесс ее разложения зашел уже очень далеко. Члены общины владели на правах частной собственности участками пахотной земли. Пустоши же в горах считались собственностью всей общины, но фактически ими распоряжались деревенские старшины. С их разрешения жители деревни своими силами выкорчевывали лес и затем в течение пяти лет обрабатывали поле, не внося за это платы, а потом эта земля становилась частью земельного фонда всей деревни; арендная плата за пользование этой землей составляла десятую часть урожая, что было вполнину меньше платы за аренду земли у помещика. Она поступала в общедеревенскую кассу, однако значительная ее часть шла непосредственно старшинам. Должностные лица общины уже выполняли функции низшего слоя феодального аппарата управления в районах национальных меньшинств старого Китая.

Накануне Освобождения феодальные отношения господствовали только у собственно тибетцев, цян, сифань и цзяжун. У ну и лоба наблюдался

¹³ Подробнее см.: Е Лу, Хэ Ши, Сицзан фэнцзянь нунну чжидуду чубу фэнсяси (Начальный анализ феодально-крепостнической системы Тибета), «Миньцзу яньцзю», 1959, № 3, стр. 13—25.

¹⁴ О феодальной формации у цян см. коллективную статью «Цун маовэнь яньмэньсянды дяоча кань цзэфанцзянь цянцзуду шэхуй цзинцзи цзегоу» (Социально-экономические отношения у цян до Освобождения, по данным обследования деревни Яньмэнь уезда Маовэнь), «Миньцзу яньцзю», 1959, № 3, стр. 41—48.

¹⁵ Т. М. Ainscough, Notes from a Frontier, Shanghai, 1915, стр. 9—10, 61.

¹⁶ Тусы (буквально «управляющий землей») — чиновник старой китайской администрации, поставленный для управления национальными меньшинствами на местах. Там, где в результате общественного развития национальных меньшинств уже выделились мелкие феодалы, тусы назначались из их среды. У тех же национальных меньшинств, где четкого расслоения общества еще не было, тусы назначались из числа старейшин родов и вождей племен или же из представителей других национальных меньшинств, иногда из среды самих китайцев. Это, естественно, ускоряло процесс феодализации данного общества.

процесс распада сельской общины и становления раннеклассовых отношений. С этой точки зрения интересна сельская община ну. Пахотная земля у них в то время еще не полностью перешла в частную собственность отдельных семей, являвшихся уже основной экономической ячейкой общества; род как форма организации еще сохранял свое значение, хотя процесс замены родственных связей территориальными принял уже широкие размеры.

До кооперирования сельскохозяйственного производства собственность на землю у ну выступала в двух формах: частной собственности и «гунгэн» (буквально «совместная обработка земли», но этим содержанием термин не исчерпывается; в дальнейшем под гунгэн мы подразумеваем, в зависимости от контекста, как форму собственности или форму коллективного труда, так и форму организации, а также надел земли члена данного объединения). В частной собственности находилась большая часть обрабатываемых земель (рисовое заливаемое поле, участки земли с естественным орошением, огороды), а также бамбуковые рощи, участки в горах, где произрастают лекарственные растения¹⁷. Но еще довольно значительной частью земли на правах коллективной собственности владели группы в несколько семей. В некоторых деревнях в гунгэн объединялось от 90 до 100% всех хозяйств, члены которых обрабатывали от 50 до 80% всей пахотной земли, принадлежавшей деревне. В деревнях ну, как правило, проживало несколько родов, иногда носивших названия животных — «медведь», «тигр» и т. д., в чем можно видеть следы тотемизма. Так, в деревне Пулэ уезда Бицзян насчитывалось в 1954 г. 205 семей, принадлежавших к пяти родам. Роды возглавляли старейшины (эша), не имевшие особых привилегий по сравнению с сородичами. Этот титул не передавался по наследству, а авторитет эша держался в основном на уважении сородичей; лишь при возникновении больших споров между членами рода старейшинам родов делали подношения за помощь в разрешении таких споров.

В деревне Пулэ сохранялись границы между земельными участками каждого рода, но 70% земли находилось уже в частной собственности отдельных семей, ее можно было продавать и покупать, хотя жители деревни еще помнили о принадлежности этой земли одному из родов. Остальная земля находилась в коллективной собственности — гунгэн, при которой несколько семей сообща владели участком земли рода и совместно его обрабатывали. После сбора урожая зерно поровну распределяли между всеми семьями, работавшими на этом участке. В 1954 г. число семей, обрабатывавших землю в таких объединениях, составляло 50—70% всех семей деревни.

В том же 1954 г. в деревне Чжицзыло уезда Бицзян, населенной ну, насчитывалось 76 дворов. Из них 68 состояли в объединениях гунгэн, причем число семей в каждом из них колебалось от двух до семи. В гунгэн объединялись обычно только сородичи, но в некоторые из них входили уже члены других родов и даже представители других народностей. Это нарушение родственных связей стало в общине обычным явлением.

В деревне Чжицзыло 48% всей земли, использовавшейся в соответствии с системой гунгэн, первоначально составляли собственность всего рода. Впоследствии эта земля была поделена на участки и перешла в постоянное пользование отдельных семей; ее стали обрабатывать по системе гунгэн. 33% всей земли гунгэн составляли купленные участки. Ранее эта земля уже находилась в частной собственности, но ее владельцы были вынуждены по тем или иным причинам продать ее. Приобретшие же ее ну создавали объединения гунгэн, сохранив за собой, очевид-

¹⁷ И Цюнь, Вого шаошу миньцу цзяньцзе (Национальные меньшинства Китая. Краткий очерк), Пекин, 1958, стр. 160.

но, право собственности на свои участки. Возможно, именно в этом случае урожай делили не поровну, а в зависимости от величины участка каждой входившей в объединение семьи. Эти семьи еще не могли целиком обрабатывать приобретенные участки только своим трудом и были вынуждены объединяться в гунгэн. Оставшиеся 19% земли, обрабатываемой по системе гунгэн, составляла поднятая целина; она находилась в коллективной собственности семей данного гунгэн. По-видимому, были две формы гунгэн: при одной земля была коллективной собственностью входящих в объединение семей, при другой — семьи сохраняли свои права на участки земли и коллективно их обрабатывали. Очевидно, форма гунгэн зависела и от формы собственности на земельные участки, в него входящие.

Взаимоотношения членов внутри гунгэн можно проследить на следующем примере. В одной из деревень уезда Гуншань три семьи ну — Пуцзя, Ваяо и Лату, принадлежавшие к одному роду, объединялись в гунгэн; они сообща владели участком неорошаемой земли и в течение длительного времени совместно его обрабатывали. Когда-то они пытались превратить свой участок в заливаемое поле, но из-за недостатка рабочих рук не смогли этого сделать. Затем в состав гунгэн приняли еще три семьи: сородича Мэйцянъ, лису Гоцзэ и дулун Тоняньпа. Силами шести семей к участку подвели воду, и в течение ряда лет члены этого гунгэн работали на поле сообща и делили урожай строго поровну. Затем лису Гоцзэ захотел взять приходящийся на его долю пай земли и выйти из гунгэн. В виде компенсации Гоцзэ устроил для остальных пяти семей угощение, состоявшее из риса, свинины, вина. Позже и Мэйцянъ вышел из состава гунгэн, взяв свой пай земли. Подробности его расчета с оставшимися членами гунгэн неизвестны. Несколько ранее Лату, выдав замуж дочь, передал свой надел заливаемого поля зятю Цзяшэнь; тот в свою очередь половину полученного надела обменял лису Баоэцянъ на кукурузу. Процесс дробления поля продолжался и в дальнейшем.

Таким образом, число членов гунгэн не было постоянным, как и размер самого земельного участка. Члены объединения коллективно трудились на своем поле, причем вкладывали в его обработку разное количество труда, а урожай чаще всего продолжали делить строго поровну.

В отношении форм земельной собственности у ну можно сделать следующие выводы. Несмотря на распад родового строя, род как форма организации накануне Освобождения еще сохранялся, но основной хозяйственной единицей уже стала малая семья. Подъем производительных сил, обусловивший распад рода, в известной мере был вызван тем, что в районе обитания ну в середине XVII в. поселялись китайцы (хань) и бай, обрабатывавшие землю при помощи железных сельскохозяйственных орудий и тяглового скота. Соседние племена заимствовали эти способы обработки земли. В процессе распада рода собственность всего коллектива на землю сменилась частной собственностью на пахотные земли (причем этот процесс не завершился еще и к началу 1950-х годов), а общинная собственность сохранялась лишь на пустоши. В сельской общине ну начинался процесс имущественного расслоения и выделения деревенских старейшин из всей массы общинников, но говорить о феодализме у ну накануне Освобождения не приходится.

Объединение гунгэн было пережитком собственности рода на землю и системы коллективного труда сородичей на полях рода. Поэтому в гунгэн работали на поле сообща и делили урожай обычно поровну между его членами, независимо от количества вложенного труда. Каждый желавший выйти из объединения и взять свой надел земли должен был как бы компенсировать его стоимость оставшимся членам гунгэн деньгами или равноценным угощением. Но в то же время внутри гунгэн от-

дельные участки земли уже можно было передавать по наследству и даже уступать другим лицам за известное вознаграждение.

Гунгэн — явление переходного периода распада родовой общины и возникновения сельской общины, несущее черты как старых, так и новых общественных отношений. Относительная устойчивость этого явления у ну объяснялась тем, что на этой ступени развития производительных сил одна малая семья еще не могла превратить свой участок в горах в заливаемое поле, а также прочными навыками коллективного труда. Но развитие производительных сил привело уже к тому, что род как хозяйственная единица распался, от родового строя остались только форма организации, названия родов и границы их земельных владений.

Родоплеменная структура сохранялась до последнего времени также у лоба. Пахотная земля здесь находилась уже в частной собственности. Большой вес имели богатые сородичи, хотя до недавнего времени у некоторых групп лоба сохранялись собрания всех членов рода. Раньше у лоба существовало патриархальное рабство. Число рабов пополнялось за счет пленных, захваченных во время набегов на селения соседей. Положение рабов было сравнительно терпимым, раб мог жениться на дочери свободного, иметь землю, скот, дом. Но в то же время раб навсегда оставался рабом по своей социальной принадлежности.

В какой-то мере можно говорить о патриархальном рабстве и у дулун, но здесь рабами могли быть и сородичи, тогда как у апа-тани, например, положение раба дафла отличалось от положения зависимого апа-тани. У лоба патриархальное рабство получило значительно большее развитие, чем у дулун. Общество лоба находилось на последней стадии разложения первобытно-общинного строя, когда отношения родового общества прикрывали далеко зашедшее имущественное расслоение и начавшееся обособление родовой верхушки от массы рядовых общинников. У дулун же процесс распада родового строя к 1954 г. не зашел еще особенно далеко. Деревня дулун была поселением одного патриархального рода или же нескольких (обычно пяти-шести) больших семей. Численность большой семьи достигала 20—40 чел., иногда и больше. Возглавлял род или большую семью старейшина — «мэнгаоба», которого выбирали все члены данной группы из числа наиболее уважаемых и опытных мужчин. Власть мэнгаоба основывалась только на личном авторитете. Все более или менее важные дела обсуждали коллективно члены данной группы. Большие семьи деревни выбирали общего вождя из среды наиболее влиятельных лиц. Между вождями отдельных деревень не было постоянной связи и взаимодействия; единого верховного вождя также не было. Вождь деревни не обладал особыми правами; его функции сводились к разрешению различных споров и недоумений. В знак достигнутого примирения дулун устанавливали на площадке деревни камень как напоминание о клятвенном обещании союза и дружбы. Должность вождя, как и должность старейшины, была выборной, а не наследственной.

Вся земля у дулун была поделена между родами и являлась собственностью рода в целом. Купли-продажи земли у дулун не было, но довольно часто один род за зерно или скот уступал другому участок пахотной земли или пустошь. В очень редких случаях род уступал участки на тех же условиях отдельным лицам, которые, возможно, не были дулун.

У некоторых родов дулун еще существовала коллективная обработка земли. Семена для посева в строго равном количестве выделяли из своих запасов большие семьи. Роду (или большой семье) принадлежали также участки, засаженные тыквой, и огороды, которые дулун разбивали близ жилищ; но их обрабатывали только члены данной семьи, и урожай с огородов шел на удовлетворение ее потребностей. У дулун было два вида распределения урожая и потребления продуктов. В первом

случае весь урожай распределяли поровну по большим семьям, которые хранили полученные продукты в общем амбаре. Постоянная стряпуха из числа женщин большой семьи готовила пищу и поровну распределяла ее между всеми членами семьи¹⁸. Во втором случае урожай распределяли поровну между всеми супружескими парами большой семьи, которые хранили его раздельно. Одна из супружеских пар начинала готовить пищу на всех членов большой семьи из своих запасов. После того как запасы этой пары кончались, начинала готовить из своих продуктов другая пара, и так далее по очереди. Первый способ потребления продуктов более архаичен, второй отражает усиление процесса выделения малой семьи.

Экономическое положение малой семьи в некоторых родах дулун упрочилось настолько, что она стала в состоянии своими силами обрабатывать находившийся в ее пользовании участок земли рода, и урожай являлся ее собственностью. Но и здесь еще сохранялась форма родовой взаимопомощи, известная под названием «вашуа». Если в период полевых работ семья в силу каких-либо причин (болезнь ее трудоспособных членов и т. д.) была не в состоянии своими силами обработать находившийся в ее пользовании участок, глава семьи забивал свинью, готовил угощение (хлеб, мясо, вино) для всех членов рода (или ближайших родственников), после чего они обрабатывали его участок. Иного вознаграждения за эту работу не полагалось. Вашуа — пережиток коллективного труда, известного под названием «байлайху» и практиковавшегося еще некоторыми родами дулун. В тех же родах, где уже появилось имущественное расслоение, богатые сородичи подчас использовали вашуа для эксплуатации членов своего рода. Однако род у дулун продолжал оставаться основной экономической единицей. Роды были связаны между собой строго установленными брачными отношениями.

В то же время, как видно из изложенного выше, род у дулун уже обнаруживал признаки начавшегося распада. Можно думать, что старейшины родов и вожди деревень получали уже большую долю по сравнению с остальными сородичами, так как только у них хватало продовольствия до следующего урожая. Консервации отношений родового строя у дулун в значительной мере способствовали природные условия в районе их обитания, затруднявшие развитие производительных сил и связи с более развитыми районами.

Таким образом, социально-экономические отношения у тибетских народностей Китая до проведения аграрных преобразований и начала движения за кооперирование сельскохозяйственного производства находились на стадии перехода от родового строя к феодализму через сельскую общину. Специфика социально-экономических отношений у той или иной народности определялась уровнем развития производительных сил. На более низкой ступени общественного развития стояли населяющие труднодоступные горные районы юго-восточного Тибета и юго-западного Китая народности, у которых обнаруживаются к тому же несвойственные тибетцам в целом особенности в материальной и духовной культуре.

* * *

Остановимся коротко на характерных чертах жилища и одежды тибетских народностей Китая.

Основные типы жилища тибетцев — одно- или двухэтажные дома из глины, камня, утрамбованной земли или рубленые (в восточных районах проживания тибетцев), с плоской или двускатной (на юге Тибета, отчасти в Сычуани и Юньнани) крышей. В нижнем этаже двухэтажного дома держат скот, второй используют для жилья; в одноэтажном доме скот

¹⁸ Так же поровну распределяли и мясо убитых на охоте животных.

и люди находятся в одном помещении. Эти типы жилища с незначительными изменениями распространены у всех оседлых тибетцев, цян, сифань и цзяжун, частично у ну. Обычный тип поселения — кучевой (рис. 2), причем дома иногда стоят очень близко друг к другу. Так, в деревне цян расположение домов настолько тесно, что там с крыши на крышу переброшены доски для перехода из одного дома в другой. У скотоводов-кочевников жильем служит палатка из шерсти яка. У цян и цзяжун, в отличие от всех остальных народностей тибетской группы, встречаются каменные башни (одна или несколько), расположенные в самой деревне

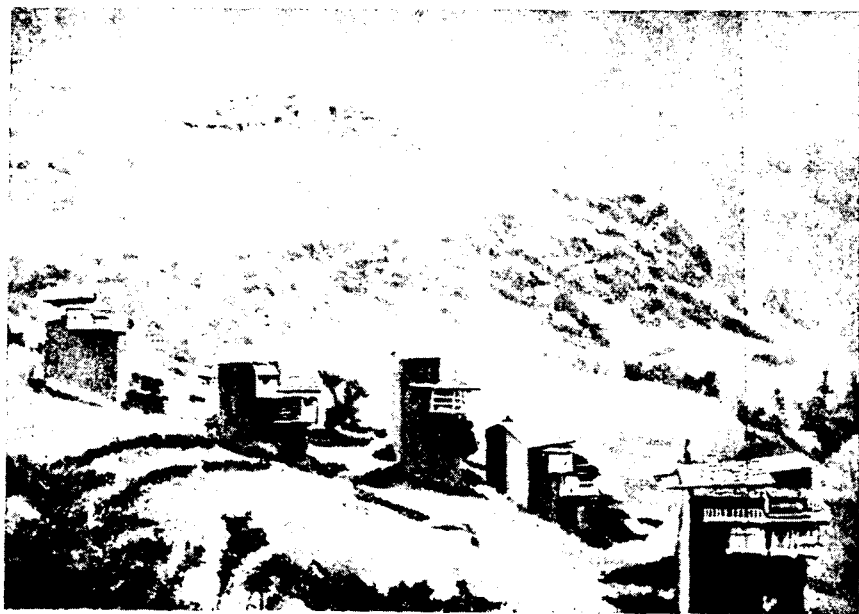

Рис. 2. Поселение цзяжун в начале XX в. в районе Сомо

или на ее окраине. Обычно они имеют четырехугольную форму, реже — шести- или восьмиугольную; высота их достигает 15—20 м (рис. 3). Башни прежде служили жителям деревни убежищем при нападении врагов. При приближении опасности скот заводили в нижний этаж и запирали на засов тяжелые деревянные двери. Жители поднимались на верхние этажи, откуда сбрасывали на осаждавших заранее приготовленные камни. На самой верхней площадке башни зажигали огонь, чтобы известить жителей дружественных деревень о вражеском нападении. Кроме того, башни использовали как склад для хранения общинных ценностей и зерна.

Тип жилища у дулун, лоба и некоторой части ну совершенно иной. Ну, кроме срубных, знают и каркасные жилища, для сооружения которых применяют бамбук. До недавнего времени у дулун преобладали удлиненные дома — жилища большой семьи, где каждая супружеская пара имела свое отдельное помещение. Обычно дом состоял из 8—10 и даже более помещений¹⁹ с отдельным очагом для приготовления пищи в каждом. Иногда такие дома строили параллельными линиями, оставляя между ними нечто вроде улицы. У дулун имеются также отдельные рубленые дома для малой семьи, иногда на невысоких деревянных сваях. В них раньше жили главным образом семьи родовых старейшин и вож-

¹⁹ И Цюнь, Указ. раб., стр. 163.

дей деревни. Еще несколько десятилетий назад у дулун можно было встретить жилища из тростника, сооружавшиеся на деревьях. По преданию, дулун пришли в Гуншань из района р. Нуцзян около 200—300 лет назад. Из-за сырого климата в Гуншане, опасности укуса ядовитых змей и нападения диких животных пришельцы и стали строить такие жилища.

Удлиненный дом дулун по типу сходен с жилищем лоба. Абор, как и все лоба, дома строили на сваях. Длина дома — 18—20 м, ширина — 4—6 м. По фасаду шла веранда, над которой нависала крыша. В дом

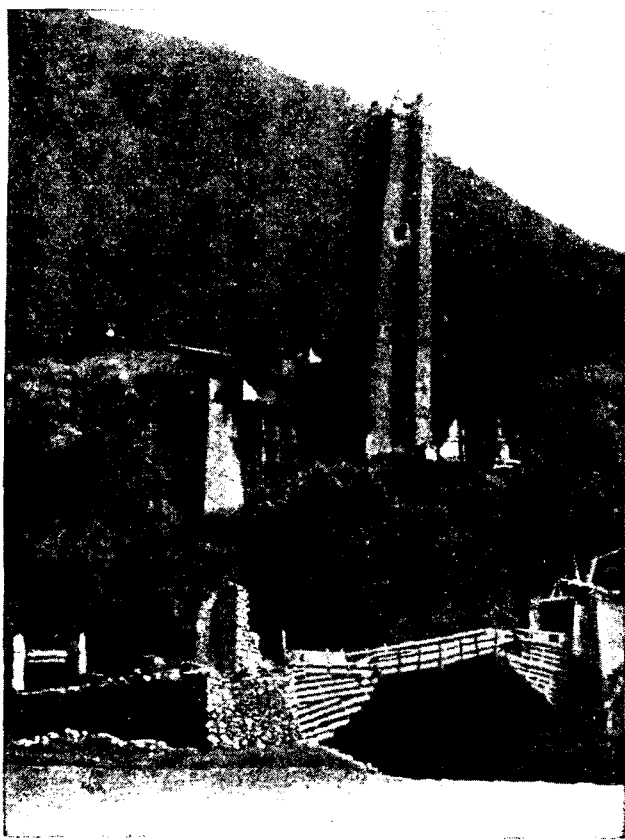

Рис. 3. Замок феодала у цзяжун (начало XX в.);
башни того же типа характерны для поселений цзяжун
и цян

поднимались по своеобразной лестнице — бревну с зарубками. Такая же лестница есть в домах и у собственно тибетцев. Под домом абор, как и все лоба, держали скот²⁰. Внутренних перегородок в доме не было, и 4—5 очагов были расположены один за другим. В таком доме прежде жил хозяин со всей своей семьей. У мишми такой же по типу дом был поделен на несколько проходных помещений, где прежде жил хозяин дома со своими женами, причем у каждой из них было свое помещение с очагом и отдельный амбар для запасов. Дом мира в целях защиты от нападения врагов нередко был окружен со всех сторон оградой (часто без входа). С этой же целью веранда дома забиралась решеткой²¹. Дафла, часто менявшие месторасположение своих деревень,

²⁰ Hem Barua, *The Red River and the Blue Hill*, Gauhati, 1956, стр. 156.

²¹ Ch. von Fürer-Haimendorf, *Glückliche Barbaren*, Wiesbaden, 1956, стр. 20.

сооружали свайные жилища без особой тщательности (рис. 4). У них в удлиненном доме жил хозяин со своими женами, детьми и рабами, причем первый от входа открытый очаг принадлежал первой, главной жене²², а последний — рабам²³. Дома апа-тани, также свайно-каркасные и однокамерные, отличались значительно большей тщательностью постройки. Стены и фронтоны апа-тани делали из двух слоев матов из расщепленного бамбука²⁴, что сохраняло тепло в доме. Внутри дома были расположены два очага: первый для хозяина и его жены, второй

Рис. 4. Поселение дафла в бассейне р. Субансири

для слуг. В отличие от всех групп лоба, тип поселений у апа-тани уличный, а численность населения их деревень была довольно значительна — от 750 до 5000²⁵.

Из всех групп лоба только у абор были общественные дома (моранг), вмещавшие до 200 человек, где останавливались на ночлег гости и жили холостые мужчины и юноши старше 14 лет, охранявшие деревню от нападения врагов. В настоящее время у лоба распространены деревянные двухэтажные дома с двускатной крутой крышей или же небольшие дома из бамбука и дерева. В центре дома на трех больших камнях стоит котел для варки пищи. Мебели в домах нет; спят лоба на циновках²⁶.

Общий для тибетцев тип одежды — чуба²⁷ из овчины или сукна, подпоясываемая с напуском широким матерчатым кушаком, сапоги с кожаной головкой и подошвой и суконным верхом — распространен, кроме собственно тибетцев, у цзяжун, сифань, в меньшей мере у цян. Сходный по покрою с чубой халат из ткани местного производства бытует у ну. У цян, цзяжун и отчасти сифань прослеживаются свои особенности в одежде. Так, мужчины и женщины цян и мужчины цзяжун носят на голове навой из темной или светлой ткани в виде чалмы. Один из устой-

²² U. Graham Bower, *The Hidden Land*, London, 1953, стр. 49.

²³ Ch. von Furer-Haimendorf, Указ. раб., стр. 121.

²⁴ U. Graham Bower, Указ. раб., стр. 91.

²⁵ Там же, стр. XV.

²⁶ Сб. «Вэньбу цяньцзинь чжунды сицзан», стр. 116.

²⁷ Чуба — распахная верхняя одежда с высоким воротом и длинными рукавами, длина ее доходит до щиколоток. Чубу носят мужчины и женщины, женская отличается лишь отделкой.

чивых элементов мужской одежды цян — передник из темной ткани; его носят обычно в сочетании с курткой, иногда с халатом. Мужчины сифань уезда Мули (Сычуань) в прошлом иногда носили вместо штанов нечто вроде юбки из шерстяной ткани (несколько напоминает саронг), что не свойственно остальным тибетским народностям. По-видимому, эти особенности в известной мере отражают культурное взаимодействие данных народностей с иными этническими группами. Этим же объясняются широко бытовавшие ранее особенности одежды у других тибетских на-

Рис. 5. Женщина дафла в национальной одежде (бассейн р. Субансири)

(из Ассама или Тибета), покрывающая плечи и грудь, и набедренная повязка; женщины носили такую же накидку вместе с юбкой. У некоторых групп мира (в верховьях р. Камла) исследователи отмечали довольно широкое распространение бамбукового футляра на шнурке для penis'a; нередко это составляло единственный предмет «одежды» мужчины²⁸. Типичным для женщин апа-тани украшением была большая выкрашенная в черный цвет деревянная втулка, вставленная в отверстие, проделанное в носовой перегородке. В настоящее время у женщин лоба распространены длинные халаты без рукавов, которые подпоясывают в талии с напуском, а также кофты и юбки. Украшения лоба сходны частично с украшениями лису, частично — с украшениями тибетцев.

Теперь мужчины лоба носят безрукавки (в холодную погоду — куртки из жесткой кожи), рубахи, штаны и шляпы различных фасонов.

У ну, дулун и лоба прослеживается обычай татуировки, не отмеченный у других тибетских народностей. У ну ребенку по достижении им десяти лет татуировали лицо скрещивающимися линиями, изображениями драконов и цветов. У дулун, когда ребенку исполнялось двенадцать лет, ему татуировали лицо узорами в виде бабочек и т. д., причем у девочек татуировка отличалась особой тонкостью линий. Обычай татуировки

²⁸ U. Graham Bower, Указ. раб., стр. 13.

²⁹ Интересно, что у нага это — боевой наряд воина.

³⁰ Ch. von Furer-Haimendorf, Указ. раб., стр. 222.

исчез у дулун в деревнях, где был распространен католицизм. У абор женщины татуировали ноги ниже колен. Неизвестно, обставляли ли у этих народностей процесс татуировки какими-либо обрядами, каково было значение знаков татуировки, имели ли они у дулун отношение к сохранявшейся у них родовой структуре. Материальная культура тибетских народностей испытывала сильное влияние со стороны китайцев, что привело, в частности, к вытеснению некоторых элементов национальной одежды повседневной китайской одеждой (у-сифань, отчасти у цян).

* * *

Преобладающая форма брака у тибетских народностей Китая — моногамия, в прошлом среди вождей племен и богатых лиц практиковалась полигамия. Полигамия довольно широко была распространена у всех групп лоба, за исключением апа-тани. У тибетцев встречается полиандрия, чаще всего в форме братской полиандрии, известной также у цян и сычуаньских сифань. У тибетцев довольно широко распространен сорорат, наблюдаются случаи левирата. Левират известен также у сифань, цян, лоба. Добрачная половая свобода существовала раньше почти у всех тибетских народностей. В свадебных обрядах у некоторых народностей до самого последнего времени сохранялись пережитки матриархата. Так, у цзяжун еще в начале XX в. молодая жена сразу же после свадьбы возвращалась в дом своих родителей. Только спустя три — шесть месяцев сестра или тетка мужа посещала молодую и привозила ее в дом свекра. Сватом у цзяжун обычно выступал дядя жениха по матери. До сих пор женщина у цзяжун и цян пользуется большим уважением и почетом, и до недавнего времени нередко во главе их племен стояли женщины. У дулун еще в 1950-х годах брачные отношения регулировались на основе родового деления. Роды дулун были экзогамны и связаны между собой строго определенными брачными отношениями. Так, девушки из рода Кунсянь обязательно должны были выходить замуж в род Мэндин, но девушки из рода Мэндин не могли выходить замуж за юношей из рода Кунсянь, а должны были становиться женами юношей третьего рода. Возможно, что эта система по своей организации приближается к трехродовому союзу, известному у некоторых племен Юго-Восточной Азии. Трехродовой союз, существование которого у дулун можно предполагать, совершенно не известен у других народностей тибетской группы (возможно, это объясняется слабой изученностью некоторых народностей). У дулун же имели место такие браки, когда несколько сестер одновременно выходили замуж за одного мужчину или несколько братьев вступали в брак с несколькими сестрами³¹, как и у собственно тибетцев.

В духовной культуре тибетских народностей сохранилось много самобытных черт, но она также изучена крайне недостаточно. Господствующая религия тибетцев — ламаизм; кое-где, особенно в восточных районах расселения тибетцев, а также у цян, сифань, цзяжун древняя религия бон, основанная на шаманизме, еще имеет довольно большое влияние. Анимистические представления, в особенности же культ гор, сохраняются у всех тибетских народностей. По представлениям сифань и цян, божества гор оказывают благоприятное влияние на всю жизнь населения, в частности обеспечивают хороший урожай. У цян культ гор известен как культ белого камня. Цян в первом и шестом месяцах лунного календаря у особого алтаря — белого камня — приносили в жертву духам ягненка, наиболее же торжественным было жертвоприношение в десятом месяце. Молились духам гор о сохранении стад от болезней и падежа. После

³¹ И Цюнь, Указ. раб., стр. 164.

заклания ягненка его мясо делили между участниками обряда и затем употребляли в пищу. Иноплеменники не могли принимать участия в обряде и пиршестве. Этот обряд в том виде, как он совершался у цян и сифань, имеет некоторые общие черты с культом гор у лепча и шерпа.

У дулун до недавнего времени сохранялся культ черепов животных. Быков для жертвоприношения дулун выменивали у соседей, так как сами они крупный рогатый скот не разводят. После жертвоприношения духам череп быка вешали на ограду дома или помещали на специальную деревянную полку вне дома. Кости жертвенного животного также бережно хранили. У абор было в обычае развешивать черепа убитых на охоте животных по внутренним и наружным стенам жилища. Особенно сильно культ черепов был развит у мишми.

В праздниках тибетских народностей Китая сохранялся ряд моментов, связанных с древними ламаистскими верованиями. Так, в начале XX в. в четвертом месяце лунного календаря цзяжун отмечали праздник начала сельскохозяйственных работ. В известной мере его можно сравнить с обрядом «весенней коровы» (чунь-ню) у китайцев. В этот день жители деревни вместе с жрецом бон поднимались в горы, где жрец читал заклинания, долженствующие, по мнению цзяжун, уберечь будущий урожай от стихийных бедствий. После этого жрец освящал березовые веточки, смазанные кровью петуха и украшенные перьями фазана. Сразу же по окончании освящения все собравшиеся устремлялись к своим полям и втыкали эти веточки по углам поля и в его середину, где лежали три белых камня — «сердце пашни». Вслед за этим начинались сельскохозяйственные работы. Этот праздник очень древен и непосредственно связан с культом природы. Возможно, что обычай втыкать в пашню березовые веточки, вымазанные кровью петуха, — пережиток более древнего обычая: перед началом полевых работ приносить животных в жертву духам природы с целью обеспечения хорошего урожая. Связь с культом природы в празднествах собственно тибетцев частично утрачена, частично прикрыта наложениями ламаизма.

Таким образом, в духовной культуре, как и в материальной, у некоторых из тибетских народностей обнаруживается ряд черт, не свойственных общей всем тибетцам культуре.

* * *

Тибетские народности КНР в целом составляют значительную часть национальных меньшинств страны. Область их расселения занимает обширную территорию на западе и юго-западе республики. Различия в географической среде обусловили в известной мере не только преобладание того или иного рода хозяйственной деятельности у каждой народности, но и ряд черт материальной культуры. Однако объяснять особенности хозяйства, быта, культуры, исходя только из географических условий, было бы неверно. Решение этого вопроса надо искать прежде всего в этнической истории данных народностей.

Недостаток материала не позволяет с полной ясностью осветить вопросы, связанные с этнографией тибетских народностей Китая, но уже сейчас можно высказать некоторые предварительные соображения.

Тибетские народности Китая принадлежат к различным хозяйственно-культурным типам. Тибетцы — кочевые скотоводы относятся к хозяйственно-культурному типу кочевников-скотоводов. Большинство остальных тибетцев, цян, сифань и цзяжун, подавляющее большинство ну и апа-тани относятся к различным группам высокогорных, преимущественно пашенных земледельцев; они держат также различные породы скота. Нужно отметить, что мотыжное земледелие еще недавно преобладало у ну и до сих пор преобладает у апа-тани. Очевидно, что абор, дафла,

мири и мишми (а до самого недавнего времени частично ну и дулун) относятся к иным хозяйственно-культурным типам. Если у ну и апа-тани преобладает высокогорное земледелие, то у дулун и части лоба охота, рыболовство и собирательство еще недавно сохраняли часто решающую роль в хозяйстве.

Можно ли считать, что все тибетские народности Китайской Народной Республики принадлежат к одной и той же историко-этнографической подобласти? Нетрудно заметить, что из всех тибетских народностей наиболее близки к тибетцам по хозяйству, материальной и духовной культуре цян, цзяжун и сифань; это находит отражение и в том, что обычно цзяжун и сифань не отделяют от собственно тибетцев. Тем не менее, ряд особенностей их культуры не характерен для собственно тибетцев, что можно объяснить только исходя из их этногенеза и из культурных взаимодействий данных народностей с другими в ходе их исторического развития. Проблема этногенеза тибетских народностей Китая до сих пор остается неразрешенной, и приступать к ней можно лишь после тщательного их этнографического изучения, что также еще не проводилось в достаточно широких масштабах. Фрагментарные данные свидетельствуют о том, что конкретный ход формирования цян, цзяжун и сифань как народностей был в известной степени различным. Предки сифань, захваченные потоком монгольских завоевателей, переселились в XIII в. в районы современного обитания этой народности в провинции Юньнань из более северных областей, воспоминания о чем сохранились в легендах сифань и что отражено также в их похоронном обряде. Так, прежде шаман у сифань уездов Ланьпин и Нинлан при погребальной церемонии перечислял места, через которые должна была пройти душа умершего, чтобы вернуться в земли предков. Этот путь шел по р. Цзиншацян на север до Куньлуня, что, по мнению некоторых китайских исследователей, в основном совпадает с путем продвижения монгольских завоевателей. Предки сифань, переселившись к югу из более северных районов страны, на новом месте смешались с местным населением. В преданиях цзяжун также сохранилось упоминание об их переселении в Сычуань. Около 600 лет назад они, по легендам³², населяли некоторые районы северного Тибета и Китайского Туркестана; затем, после переговоров с китайскими властями, переселились на юг, где им за военные заслуги в борьбе против враждебных китайцам племен были предоставлены земли к западу от р. Миньцзян. Позже войска феодального Китая отеснили их в горы. По другим легендам³³, цзяжуа считают себя потомками переселенцев из Нгари около Кхамба Дзонг в западном Тибете, пришедших на правый берег Миньцзяна в начале XIII в. вместе с монгольскими войсками. Данные лингвистики³⁴ и этнографии (детали одежды, жилища) также дают возможность предполагать неавтохтонность цзяжун. Возможно, что этногенез цян и цзяжун, у которых обнаруживается большая близость в хозяйстве и культуре, имел много общего. Таким образом, хотя тибетцы, цян, цзяжун и сифань близки друг другу по хозяйству, культуре и по своему этногенезу (здесь один и тот же компонент в виде различных древних племен цян сыграл решающую роль), однако у этих этнографических групп иной, в частности и местный, этнический компонент наложил, очевидно, довольно значительный отпечаток на ход их культурно-исторического развития.

В культуре ну, а тем более дулун и лоба, обнаруживается ряд особенностей по сравнению с культурой живущих севернее тибетских народностей. Достаточно отметить обычай татуировки, а также захоронение на

³² W. N. Fergusson, The tribes of North-Western Se-Chuan, «The Geographical Journal», т. XXXII, 1908, № 6, стр. 596.

³³ T. M. Ainscough, Указ. раб., стр. 51—52.

³⁴ T. W. Thomas, Указ. раб., стр. 100.

боку у ну и дулун. В свадебном обряде дулун и цзинпо имеются сходные моменты. Культ черепов характерен для народов Юго-Восточной Азии, а не для народностей тибетской группы. Свайное жилище, известное у дулун, и обычай смазывать растительным ядом наконечники стрел сближают их с народностями бирманской группы. Трехродовой союз также не известен у других тибетских народностей. Здесь наблюдается целый комплекс черт, отличающих дулун от остальных тибетцев и сближающих их с бирманской группой народов и, возможно, с группой ицзу. Этот комплекс очень древнего характера. Возможно, что формирование этнической общности дулун происходило в более тесном контакте с народами бирманской группы или ицзу.

Можно думать, что дулун, кроме языка, имеют мало общего с тибетскими народами Китая, принадлежа по своему этногенезу и культуре к бирманской группе или же к группе ицзу. Ряд черт культуры лоба (широко развитое свиноводство, обычай смазывать ядом аконита наконечники стрел и копий, каркасно-свайные постройки, существование общественных домов, обычаи татуировки, ношения на талии опояски из лиан, а девушками — металлических дисков на поясе, обычай жевания табака) в значительной мере также сближает их с бирманской группой народов. Не исключено, что при дальнейших исследованиях народности группы лоба будут признаны в этнографическом отношении более близкими к этим народам, чем к тибетцам, хотя с последними их связывают длительные культурно-хозяйственные отношения. Возможно, что решение проблемы нага связано с решением вопроса о месте лоба в этногенезе южных тибетцев. Дулун и лоба, по-видимому, относятся к иной историко-этнографической подобласти, нежели тибетцы, цянь, сифань и цяжун. Особенности, сближающие их с соседними народами бирманской группы, группы ицзу и отчасти цзинпо, нельзя объяснять только близкими географическими условиями в районах их обитания, примерно равным уровнем общественно-экономического развития или длительным культурным контактом, ибо эти особенности представляют собой не случайное заимствование, а органическое единство. В связи с этим всестороннее изучение культуры и языка этих народностей представляет большой интерес, ибо это дает возможность более конкретно проследить ранние связи народностей тибетской и бирманской групп и, возможно, более четко наметить пути их расселения в далеком прошлом. Это будет иметь большое значение и для исследования этногенеза как некоторых тибетских групп (ну, дулун, лоба), так и южных тибетцев в связи с южным компонентом в этногенезе тибетцев вообще.

* * *

После образования Китайской Народной Республики жизнь тибетских народностей коренным образом изменилась. Коммунистическая партия Китая в своей национальной политике руководствуется строго дифференцированным подходом к каждой национальности, учитывая специфику ее исторического, социально-экономического и культурного развития. Основным методом разрешения национального вопроса Коммунистической партией Китая является предоставление национальным меньшинствам национальной автономии, обеспечивающей все возможности для скорейшего экономического, политического и культурного подъема. 22 апреля 1956 г. был создан Подготовительный комитет по созданию Тибетской автономной области, в состав которой, кроме Тибета, входит район Чамдо. Но группа реакционеров, крупных крепостников-феодалов, входивших в местное правительство Тибета, всеми силами тормозила его демократизацию вплоть до того, что в марте 1959 г. подняла открытый вооруженный мятеж против Китайской Народной Республики. Ликвидация этого мятежа кучки изменников родины, осужденных всеми народами Китая и прежде

всего самым тибетским народом, ускорила демократизацию Тибета и приблизила начало там социалистического строительства. Этого потребовали общественные деятели Тибета и его народ на многочисленных митингах в Тибете, это же прозвучало в выступлениях делегатов на недавно закончившейся первой сессии Всекитайского собрания народных представителей второго созыва. 17 июля 1959 г. вторая сессия Подготовительного комитета приняла решение об осуществлении в Тибете демократических реформ. Как пишет «Жэньминь жибао» в передовой статье от 6 мая 1959 г., в Тибете начинается мирная революция, в ходе которой навсегда будет ликвидирован крепостнический строй.

В районах провинций Цинхай, Ганьсу, Сычуань и Юньнань, населенных тибетцами, были созданы автономные округа и уезды. К настоящему времени тибетцы этих провинций обогнали население Тибета в политическом, хозяйственном и культурном отношении. Здесь движение за создание народных коммун приняло уже большой размах. Что касается других национальных меньшинств тибетской группы, то после Освобождения в большинстве районов их проживания была проведена аграрная реформа, и затем повсюду развернулось движение за кооперирование сельскохозяйственного производства, в настоящее время успешно завершающееся. Это привело к изменениям в жизни тибетских народностей, что можно видеть на примере деревни цян — Цутоу Абаского тибетского автономного округа. Там в 1955 г. был создан сельскохозяйственный кооператив, к 1957 г. преобразованный в артель высшей ступени и объединивший уже 88 из 93 дворов деревни³⁵. Кооперативу было под силу то, что не могла сделать отдельная семья цян. Только за 1956 г. члены кооператива подняли более 50 му целинных земель, построили три оросительных канала и обводнили еще около 200 му земли. Несмотря на то, что 1957 год был неурожайным, все же было собрано хлеба на 30% больше, чем в 1956 г., а в целом производство зерна, сравнительно с периодом до Освобождения, увеличилось вдвое. Теперь цян применяют современные сельскохозяйственные орудия, специальные плуги для работы в горах. В 1956 г. в деревне построена небольшая гидроэлектростанция, и сейчас там освещены дома и улицы, электрифицированы основные трудоемкие работы (рис. 6, 7). В деревне создана школа, начала работать библиотека. Голод и нужда ушли в прошлое. К концу 1958 г. более 90% крестьянских дворов Маовэнь, Дацзинь и Ли были объединены в сельскохозяйственные кооперативы высшего типа³⁶, а в настоящее время цян создают народные коммуны. Этим путем идут все тибетские народности Китая. С 1959 г. на этот путь вступили и тибетцы Тибета.

Центральное народное правительство провело большую работу по облегчению положения всех тибетских народностей. Еще перед Освобождением у дулун были широко распространены деревянные, каменные и

Рис. 6. Электромонтер-цян из деревни Цутоу за работой

³⁵ «Миньцзу хуабao», 1957, № 10, стр. 18.

³⁶ «Миньцзу яньцзю», 1958, № 4, стр. 46.

Рис. 7. Крестьяне деревни Цутоу осматривают новую электростанцию

Рис. 8. Женщина ну за лущением кукурузы на машине

бронзовые орудия. Правительство предоставило им железные сельскохозяйственные орудия (мотыги, серпы, плуги), тягловый скот, посевные семена, одежду, продовольствие, соль. Уже эта первоначальная помощь сыграла известную роль в улучшении жизни дулун и увеличении их производства. За четыре года, с 1951 по 1954 г., дулун продали государству своей продукции на общую сумму в 50 тыс. юаней. Ну также было бесплатно передано большое количество железных сельскохозяйственных орудий и тяглового скота, продовольствия, одежды и других

Рис. 9. Чжицзыло — один из культурных центров уезда Бицзян провинции Юньнань; за последнее время здесь построены здания государственной торговой компании, народная больница, книжный магазин, школа, дом культуры с постоянной киноустановкой

жизненно необходимых предметов (рис. 8). В деревне Мугуцзя уезда Фугун, населенной ну, в 1949 г. на каждого жителя приходилось в среднем 280 цзиней продовольствия на весь год, а в 1956 г. — уже 414 цзиней³⁷. Лоба также получили большую помощь от правительства. С 1952 г. в районе расселения лоба крестьянам была предоставлена беспроцентная ссуда для развития их хозяйства, оказана денежная помощь нуждающимся, государство бесплатно роздало населению большое коли-

³⁷ И Цюнь, Указ. раб., стр. 162.

чество сельскохозяйственных орудий, работники государственных учреждений обучали крестьян новым методам ведения сельского хозяйства. Площадь пахотных земель в этом районе увеличилась за счет начавшейся разработки целины, стала исчезать старая подсечно-огневая система земледелия³⁸. Все это способствовало росту благосостояния населения.

В районах расселения ну и дулун аграрная реформа в общем порядке не проводилась. После большой подготовительной работы ну, имевшие в частной собственности много земли, часть ее безвозмездно и добровольно передали малоземельным. Затем в этих районах началось широкое движение за кооперирование. К концу 1957 г. в пограничных районах Юньнани было создано 2077 кооперативов первичного типа, которые объединяли 21,9% всего населения. Создание первых опытных кооперативов у дулун и ну относится к 1953 г., а в первой половине 1958 г. кооперирование у этих народностей было в основном завершено. Теперь население этих районов создает народные коммуны. В настоящее время в районах их расселения широко развернулось дорожное строительство. Проложены дороги Бицзян — Чжицзыло — Ланьпин; Фугун — Гуншань — Вэйси и др.³⁹. С дальнейшим развитием путей сообщения экономический подъем районов ну и дулун пойдет еще более быстрыми темпами.

Наряду с оказанием помощи малым тибетским народностям в области экономики, Коммунистическая партия Китая и Центральное народное правительство уделяют большое внимание развитию просвещения и здравоохранения в этих районах. В районах расселения малых тибетских народностей создаются культурные центры (рис. 9). В 1957 г. были созданы первые в истории дулун школа и стационарный медицинский пункт⁴⁰. До этого дети дулун посещали другие начальные школы уезда Гуншань, которых в 1954 г. было уже 17⁴¹. У дулун была успешно проведена кампания предохранительных прививок против эпидемических заболеваний. Медицинские отряды, работающие в районах расселения лоба, к 1958 г. в основном ликвидировали очаги малярии, бывшей бичом населения этих мест. В деревнях цян, как и у других тибетских народностей, также созданы постоянные медицинские пункты, школы, и в 1958 г. примерно 90% детей школьного возраста цян Абаского тибетского автономного округа уже посещало их. Здесь же было подготовлено несколько сот кадровых работников из числа цян. Все малые тибетские народности Китая сбрасывают наследие вековой отсталости и успешно идут по пути хозяйственного и культурного развития.

Политика Коммунистической партии Китая, направленная на помощь национальным меньшинствам страны, обеспечивает переход тибетских народностей Китая непосредственно к социализму.

SUMMARY

A number of small Tibetan peoples and ethnographical groups inhabit the Chinese People's Republic. Though their languages are very closely related, these peoples and groups possess ethnographic peculiarities, which may be explained only by the peculiarities of their ethnic history. Dulun and Loba are especially different from the Tibetans proper and approach the Burman group of peoples — either the Itzu or Chingpo groups. The small Tibetan peoples are very little known in literature. Their study is of great interest for the investigation of the ethnic history of the Tibetans proper (of the southern ones in particular) in relation to the southern component in their ethnogenic history.

The paper published now gives some information on the settling of these groups, their occupations, their social-economic relations before Liberation, and also on their dwellings, apparel family life, rites and festivities. The closing part shows the changes in the life of the Tibetan peoples after the victory of the National Revolution in China.

³⁸ Сб. «Вэньбу цянънзинь чжунды сицзан», стр. 119—120.

³⁹ И Цюнь, Указ. раб., стр. 165.

⁴⁰ «Миньцзу хуабao», 1957, № 11, стр. 24.

⁴¹ И Цюнь, Указ. раб., стр. 166.